ДУХЪ

РУССКИХЪ ЧУДО-БОГАТЫРЕЙ.

BIBLIOTECA PUBLICA DEL ESTADO

СТРАХЪ ВРАГАМЪ

ДУХЪ

РУССКИХЪ ЧУДО-БОГАТЫРЕЙ.

ИЗЪ

СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

СЪ

АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ

И

ТУРКАМИ.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
на Софійской улицѣ.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 11 дня 1855 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

О Россъ! О родъ великодушный!
О твердокаменная грудь!
О Исполинъ, Царю послушный!
Куда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ Тебя достойной славы?
Твои труды—Тебѣ забавы;
Твои вѣнцы—вкругъ блескъ громовъ:
Въ поляхъ ли брань? Ты тмишь сводъ звѣздный;
Въ моряхъ ли бой? Ты пѣнишь бездны,
Вездѣ Ты страхъ Твоихъ враговъ!

Державинъ.

1.

Во время Башъ-Кадыкларскаго сраженія, Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка юнкеръ, Князь Андрониковъ, достойный сынъ побѣдителя Турокъ предъ Ахалцыхомъ, увидѣвъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, что юнкеръ Гогіевъ палъ, пораженный картечью,—

поднялъ его, вынесъ на плечахъ изъ-подъ выстрѣловъ, и тотчасъ же за тѣмъ самъ возвратился въ бой.—По полученіи знаковъ отличія военнаго ордена, назначенныхъ въ тотъ полкъ, гренадеры единогласно назвали князя Андроникова—первымъ въ числѣ преимущественно заслужившихъ этотъ крестъ. Генелъ-Адъютантъ князь Воронцовъ, извѣстясь о семъ, удостоилъ юнкера князя Андроникова къ производству въ прапорщики; но Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ произвесть его въ подпоручики, и пожаловалъ чинъ прапорщика юнкеру Гогіеву.

2.

Когда храбрый князь Багратіонъ-Мухранскій повелъ батальоны ввѣренной ему бригады на батареи, расположенныя на Кадыкларскихъ высотахъ, отрядъ раздѣлился на двѣ колонны: впра-

во пошелъ въ атаку съ гренадерами Генералъ-Маіоръ князь Орбеліанъ, влѣвѣ князь Багратіонъ-Мухранскій остался съ Эриванцами. Подступивъ къ оврагу, надъ которымъ былъ непріятель, и скрывъ такимъ образомъ людей своихъ стѣною обрыва отъ турецкихъ выстрѣловъ, онъ приказалъ людямъ своимъ отдохнуть, а самъ одинъ пошелъ осмотрѣть непріятельскую позицію. Какъ только онъ показался, пули и картечь посыпались на него градомъ. Окинувъ взоромъ расположеніе батарей, князь Багратіонъ-Мухранскій спустился снова къ своимъ батальонамъ и приказалъ солдатамъ снять шапки и помолиться. Затѣмъ скомандовано: «впередъ!» грянуло ура и штурмъ начался. Солдаты взбѣжали на крутую гору, и первый, не слѣзая съ коня своего, очутился между непріятельскихъ орудій командиръ батальона, маіоръ Турчановскій. Подлѣ него находились батальонный Адъютантъ Витковскій и, съ развива-

ющимся знаменемъ, шефской роты унтеръ-офицеръ, знаменщикъ Лушъ. Непріятель защищался отчаянно; прикрывавшіе орудія турецкіе батальоны открыли неумолкный огонь и бросились въ рукопашный бой. Майоръ Турчановскій убитъ на мѣстѣ тремя пулями; послѣднимъ его крикомъ было: «ребята, внередъ!» Знаменщикъ Лушъ, смертельно раненый, упалъ, но чтобъ не уронить знамени, держался на колѣняхъ, крѣпко прижимая къ груди драгоцѣнную свою ношу. Но какъ силы измѣняли ему, ее принялъ изъ рукъ умирающаго одинъ изъ четырехъ, находившихся при немъ, ассистентовъ. Такимъ образомъ знамя перешло изъ рукъ въ руки каждаго изъ нихъ, и всѣ четверо поплатились жизнію, всѣ четверо пали; но, падая, заботились только о томъ, чтобы не уронить знамени. Когда послѣдній ассистентъ изнемогалъ подъ славнымъ своимъ бременемъ, изъ рядовъ штурмующихъ бросился къ нему

рядовой, по имени Бойко, выхватилъ изъ рукъ его знамя и, по особому счастію, остался живъ. Между тѣмъ непріятель, настигнутый кавалеріею и видя невозможность стоять противъ нашихъ, бросился бѣжать. Всѣ пушки были взяты; надъ батареями развивались побѣдоносныя знамена, и рядовой Бойко, тутъ же произведенный въ унтеръ-офицеры, показывалъ солдатамъ, что знамя, которое онъ удостоился держать, прострѣлено въ девяти мѣстахъ, и что верхняя его часть снесена цѣльнымъ картечнымъ зарядомъ.

3.

2-го ноября 1853 года, во время канонады, пѣсенники 3-й карабинерной роты Эриванскаго полка затянули лихую боевую пѣсню, не обращая вниманія на ревъ ядеръ. Когда непріятельскимъ ядромъ вырвало разомъ двоихъ

изъ кружка пѣсенниковъ, пѣсня не прерывалась ни минуты и продолжалась до окончанія боя.

4.

Штабсъ-Капитанъ Грицай 1–й, наканунѣ дѣла 25-го декабря 1853 года при сел. Четати, расказывалъ своему младшему брату, камандиру 3-й гренадерской роты, о дѣлѣ 19-го декабря, въ которомъ отличалась, подъ его командою, 4-я гренадерская рота, выбившая штыками непріятеля, засѣвшаго въ оврагѣ. При этомъ младшій братъ сказалъ: «я увѣренъ, что въ первомъ дѣлѣ, въ которомъ будутъ мои гренадеры, они также покажутъ себя молодцами». Въ сраженіи 25-го числа пришлось обоимъ братьямъ съ своими ротами стоять рядомъ и отбивать атаки превосходной въ силахъ непріятельской пѣхоты. Оба брата и роты ихъ, дви-

жимые соревнованіемъ, явили рѣдкую храбрость, и почти въ одно время младшій братъ палъ, пораженный пулею въ голову, а старшій получилъ въ голову же опасную рану.

5.

Поручикъ Калакуцкій, при д. Фонтынѣ-банулуй, съ одною своею ротою, построенною въ ротную колонну, отразилъ три раза атаковавшій его турецкій батальонъ. Этотъ храбрый офицеръ сначала встрѣтилъ турокъ тремя залпами, смѣняя для этого свои взводы; а потомъ, бросаясь въ штыки, опрокидывалъ непріятеля.

6.

Прапорщикъ Доманскій просилъ, при самомъ началѣ дѣла, дозволенія находиться при Полковникѣ (нынѣ Гене-

ралъ-Маіорѣ) Баумгартенъ, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ ему самыя опасныя порученія. Не смотря на рану, полученную въ голову, неустрашимый офицеръ этотъ передавалъ приказанія своего полковаго командира тамъ, гдѣ кипѣлъ самый упорный и кровопролитный бой.

7.

Прапорщикъ Кудрявцевъ, не смотря на то, что картечью оторвало ему на ногѣ три пальца, ходилъ два раза вмѣстѣ съ Прапорщиками фонъ-Раабеномъ, Громомъ 2-мъ и Судзиловскимъ 2-мъ съ охотниками впередъ, и когда въ 3-й разъ были вызваны охотники, дабы выбить турецкую пѣхоту, засѣвшую въ земляпкахъ, то сами нижніе чины просили къ нимъ Прапорщиковъ: Кудрявцева, фонъ-Раабена, Грома 2-го и Судзиловскаго 2-го, которые въ этотъ

день, своимъ мужествомъ и отвагою, заслужили удивленіе всего отряда.

8.

Вообще офицеры полка, не смотря на двѣ и на три полученныя ими раны, оставались до конца дѣла во фронтѣ.

9.

Во время сраженія, когда 3-й батальонъ Тобольскаго полка опрокинулъ турецкую кавалерію, занявшую въ тылу нашемъ позицію, и пѣхота наша заставила непріятеля броситься къ оврагу, два турецкія орудія, съ небольшимъ прикрытіемъ и прислугою, отдѣлились отъ своей кавалеріи. Увидѣвъ это, Прапорщикъ Косачь съ рядовыми Яковомъ Толстоноженкою и Мартыномъ Молчановымъ, фельдфебелемъ Иваномъ Успенскимъ, а также хорунжій Нечаевъ съ

урядникомъ Петромъ Карповымъ, приказнымъ Михайломъ Мартыновымъ и казаками: Кирѣемъ Малтахиным и Леономъ Бурналивымъ, бросились на орудія и положили на мѣстѣ прикрытіе и оставшуюся прислугу; а взятыя орудія подтащили къ своему валу, за которымъ стояла наша пѣхота. Непріятельская кавалерія, желая отбить эти орудія, бросилась на казаковъ и подоспѣвшихъ гусаръ, и вступила съ ними въ рукопашный бой; но поражаемая сильнымъ огнемъ нашей пѣхоты и картечью изъ двухъ орудій, дѣйствовавшихъ весьма искусно подъ командою Поручика Марченки (раненаго при этомъ въ ногу), конница эта совершенно смѣшалась и въ большомъ безпорядкѣ бросилась назадъ. Тогда казаки и гусары ударили на нихъ и успѣли еще отбить четыре орудія и три совершенно разбитыхъ зарядныхъ ящика.

Въ концѣ боя, когда турки начали отступать изъ Четати, Полковникъ Баум-

гартенъ вызвалъ охотниковъ для очищенія деревни и двинулъ ихъ двумя колоннами: одна изъ нихъ, подъ начальствомъ Прапорщиковъ Судзиловскаго и фонъ-Раабена, направилась въ нижнюю часть деревни и переколола въ одной землянкѣ 20 турокъ, не хотѣвшихъ сдаться; другая колонна, имѣя въ головѣ отважнаго Прапорщика Кудрявцева, уже опасно раненаго въ ногу, и Прапорщика Грома 2-го, бросилась, по грудамъ непріятельскихъ труповъ, къ верхней Четати. Въ самомъ непродолжительномъ времени охотниками нашими было очищено все селеніе до Фонтына-банулуй, при чемъ часто приходилось выбивать непріятеля, засѣвшаго въ земляныхъ. Здѣсь рядовые: 10-й мушкетерской роты Иванъ Куцы и 9-й мушкетерской Данило Бень, вбѣжавъ съ Прапорщикомъ Кудрявцевымъ въ церковь и заставъ, что нѣсколько турокъ зарѣзали уже Священника и срываютъ съ образовъ украшенія, бросились на нихъ и всѣхъ перекололи.

10.

При защитѣ д. Фонтына-Банулуй, командиръ 1-й мушкетерской роты Капитанъ фонъ-Вригтъ былъ раненъ двумя пулями въ обѣ ноги. Его подхватили четыре человѣка той же роты, но два изъ нихъ были вдругъ убиты ядромъ; оставшіеся же: унтеръ-офицеръ Иванъ Ананьевъ и рядовой Родіонъ Васильевъ, не попавъ на дорогу, по которой слѣдовала рота, были остановлены высокимъ валомъ съ глубокою канавою, чрезъ которую, не смотря на всѣ усилія, не могли перепести своего ротнаго командира. Между тѣмъ Капитанъ фонъ-Вригтъ, видя настигавшую ихъ турецкую пѣхоту, проспилъ своихъ подчиненныхъ положить его въ канаву, а самимъ искать спасенія; но унтеръ-офицеръ Ананьевъ и рядовой Васильевъ не покинули своего раненаго капитана до тѣхъ поръ, пока не поразила его новая пуля.

11.

Когда капитанъ Бантышъ, командиръ 2-й мушкетерской роты, былъ убитъ, то деньщикъ его Юрченко взялъ турецкое ружье и просилъ позволенія стать въ ряды своей роты, съ которою раздѣляя всѣ опасности, отличился мужествомъ.

12.

При началѣ сраженія, весь обозъ Тобольскаго полка, находившійся въ д. Фонтынѣ-Банулуй, былъ отведенъ сперва въ д. Четати, а потомъ, вслѣдъ за 3-мъ батальономъ, и построенъ вагенбургомъ на нашей третьей позиціи. При этомъ случаѣ большая часть фуршитатскихъ нижнихъ чиновъ, деньщиковъ и нестроевыхъ, получивъ ружья, отобранныя отъ Граничанъ, разсыпаны

были по валу и дѣйствовали вмѣстѣ съ строевыми.

13.

1-ой полубатареи легкой № 1-го батареи 10-й артиллерійской бригады :

Штабсъ-Капитанъ Хиршхейдтъ и Поручикъ Липарскій, въ то время , когда перебита была вся прислуга , сами заряжали и дѣйствовали изъ орудій своихъ, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ.

14.

Фейерверкеръ 4-го класса Егоръ Денисовъ , старшій канониръ Игнатій Кузьминъ и младшій канониръ Никифоръ Михайловъ , не смотря на значительную убыль артиллерійской прислуги, продолжали успѣшно дѣйство-

вать изъ своихъ орудій, исполняя въ одно время обязанности нѣсколькихъ нумеровъ.

15.

8-го эскадрона гусарскаго Генералъ-Фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка:

При рукопашной схваткѣ нашихъ гусаръ и казаковъ съ турецкою кавалеріею, гусарскаго Генералъ - Фельдмаршала князя Варшавскаго полка юнкеръ Булгаровъ 2-й, лишившись лошади, взялъ ружье у раненаго солдата и съ охотниками Тобольскаго пѣхотнаго полка ходилъ для выбитія турецкой кавалеріи изъ оврага.

16.

Рядовой Никифоръ Стигній, также потерявъ въ сраженіи лошадь, пошелъ

пѣшкомъ за отрядомъ къ д. Моцецей. На дорогѣ онъ догналъ раненаго артиллериста и оставался при немъ въ полѣ до часа въ виду непріятеля, до тѣхъ поръ, пока не приблизились повозки для раненыхъ; послѣ чего, уложивъ товарища на повозку, онъ доставилъ его къ батареѣ, оказывая ему въ пути всевозможное попеченіе.

17.

Подвигъ приказнаго Растригина, совершенный 5-го февраля 1854 года. «Господи твоя воля!... Экая погодушка-то завернула,—сказалъ крестясь усатый приказный донскаго № 34-го полковника Власова полка Растригинъ, входя подъ навѣсъ бывшаго валахскаго пикета, — дайтека, братцы, пообогрѣться». Казаки-станичники раздвинулись и очистили мѣсто вкругъ огня товарищу и начальнику казачьяго поста на Ду-

наѣ, выше Каларапа.—«Диво да и только, что за край безтолковый! сказалъ казакъ Подкуповъ,—въ январѣ мѣсяцѣ бывали такіе деньки, что весну напоминали; казалось, того и гляди, что придется сѣрко своего пускать на свѣжую траву; а теперь, вишь-ты! февраля мѣсяца пятый день, а какъ сиверко стало, чай на дворѣ большой морозъ!»-«Морозъ не то что великъ, да вѣтромъ-то больно прохватываетъ, глаза снѣгомъ лѣпитъ!—сказалъ казакъ Язанцевъ, только-что вернувшійся съ поста.—Турки такъ скоробились отъ холода, что ужъ и часоваго не видать: проклятые бусурманы крѣпко боятся холоду!»—«Боятся,—вѣстимо боятся! вѣдь это не то, что наши братья, православные; смотри-ка, голова-то у него бритая, а на ногахъ туфли.... Тамъ какъ въ плащъ ни закутывайся, а все человѣкъ—съ концевъ-то мерзнетъ!» —«Ты говори! Извѣстное дѣло, турку трудиѣе; нашъ братъ, въ этакій холодъ, какъ отбудетъ службу, такъ по

милости Царя да начальства и чарку приметъ, ну и снова хоть на часы; а имъ за невѣріе— по ихъ закону и водки-то пить нельзя?»—«Нельзя?... Какъ бы не такъ, нельзя!—сказалъ Панфиловъ,— видывалъ я, пьютъ не хуже другаго православнаго, да слабъ народъ-то, послѣ чарки никуда не годится!... » Бесѣда станичниковъ была прервана появленіемъ одного изъ казаковъ. Вошедшій казакъ, обращаяся къ Растригину: «тамъ, внизъ отъ крѣпости, тѣмъ рукавомъ р. Дуная, что упирается въ супротивный турецкій постъ, плыветъ лодка съ народомъ».—«Повидимъ! — сказалъ Растригинъ, схвативъ шапку и ружье, — а вы братцы, сготовьтесь, чтобы принять радушно незваного гостя, осмотри ружья,—да не зѣвай: по первому знаку выходи, а до тѣхъ поръ сиди смирно!»—Сильно гудѣлъ вѣтеръ, крупныя волны плескали въ прибрежья, густая мятель лишала возможности различать предметы на

самомъ близкомъ разстояніи... Растригинъ подошелъ къ часовымъ, которые указали ему направленіе, гдѣ была замѣчена лодка. Смѣтливый приказный спустился къ оврагу, прилегъ и началъ пристально вглядываться по поверхности Дуная... Послѣ нѣсколькихъ минутъ внимательнаго наблюденія: «вижу, — сказалъ Растригинъ,—причалили къ берегу... высаживаются... привязали лодку... Разъ, два, три — экіе шальные: всѣ разомъ лѣзутъ, сосчитать не дадутъ... всего человѣкъ 40 вышло!... Ну-ка, Подкуповъ, снаряди нашу лодочку, да подтяни ее осторожно къ верху, до кустовъ; вы, часовые, стой—да смотри не зѣвай, бритоголовые сбираются къ намъ въ гости!...» Растригинъ вернулся подъ навѣсъ пикета, гдѣ всякой изъ казаковъ уже былъ готовъ встрѣтить турка.—«Братцы,—сказалъ Растригинъ, —къ непріятельскому посту, что насупротивъ, подплыла большая лодка, вышло изъ нея человѣкъ можетъ 50 бри-

тогэловыхъ, можетъ больше, можетъ и меньше! не даромъ лодка приплыла: смотри, на разсвѣтъ спустятся къ намъ!...»—«Пусть спустятся: встрѣчу такую сотворимъ, что въ другой разъ тѣ же самые не пріѣдутъ!...»—«А какъ пріѣдутъ?... Я-такъ думаю вотъ что братцы! ночь темная, бурная, холодно и непогодно: бусурмане перезябли и грѣться пошли—лодка привязана, быть можетъ безъ присмотра стоитъ; а если есть кто на лодкѣ, такъ развѣ зазябшій часовой, который, чай, такъ передрогъ, что и жизни не радъ!... Махнемъ-ка, братцы, сами на ту сторону, да и отхватимъ вражью лодку: смогимъ— увеземъ съ собою, не сладимъ — такъ пустимъ внизъ по Дунаю; наши же казаки перехватятъ!»—«Ну что-жъ,—плыть такъ плыть!—сказалъ Панфиловъ,—да что скажетъ хорунжій?»—«Хорунжаго спрашивать некогда,—извѣстное дѣло, какъ лодку притянемъ, хорунжій скажетъ: молодцы!—

Ну, а какъ потонемъ, брани не услы-шимъ; а въ станицѣ помянутъ! » — Плыть!!! единодушно сказали казаки... «Съ Богомъ, товарищи! Подкуповъ у лодки; ты, Панфиловъ, захвати топоръ да смотри: востеръ-ли? Лазаревъ, забе-ри-ка канату, — можетъ пригодиться Турка связать; ты, Язанцовъ, чего на-супился-то? возьми фонарикъ, что Ва-лахъ-то оставилъ: можетъ, посвѣтить придется! идемъ! Андреевъ, а ты, дру-жище, ступай къ часовымъ: одного по-шли къ хорунжему, а другимъ наказки: смотрѣть зорко — буде помощь намъ нужна, помогите... къ лодкамъ брат-цы!!...» Удальство въ крови у Донца. Въ самомъ отважномъ и смѣломъ пред-пріятіи онъ видитъ простое исполненіе долга; весело и шутя онъ собирается на опасный поискъ и безъ заботно идетъ на встрѣчу смерти. Не долго судили и рядили казаки... не учился Растригинъ стратегіи и попросту размышлялъ: — «непріятель приготовился перѣхать на

нашъ берегъ, хочетъ накрыть насъ въ расплохъ!... предупредимъ врага, да и лодкой пожившимся!» И вотъ, шесть безстрашныхъ удальцовъ собрались около маленькой лодочки, тщательно осмотрѣли ее и, по указу Растригина, каждый занялъ свое мѣсто, каждый понялъ, что долженъ дѣлать!... « Съ Богомъ ребята!...» Растригинъ снялъ шапку, всѣ послѣдовали его примѣру, всѣ набожно перекрестились и дружно ударили веслами... « Полымайся къ верху! сказалъ Растригинъ; такъ! руль вправо! хорошо! подымемся до оврага, отдай! весла долой—само понесетъ: какъ разъ упремся въ лодку невѣрныхъ!...» И все притихло на лодкѣ... Страшно волновался Дунай... Шесть удальцовъ не думали объ опасности: каждый изъ нихъ внимательно слѣдовалъ за ходомъ лодки и своевременно спѣшилъ принять мѣры противъ могучей волны, готовой захлеснуть слабую ладью... вѣтеръ и мятель лѣпила

глаза... уже далеко они отплыли отъ берега, уже внимательному Растригину слышался плескъ волнъ о непріятельскую лодку... «Ребята!—тихо сказалъ Растригинъ,— лодка вражья близко... забирай вверхъ, чтобы стать къ правому борту; такъ! ты, Панфиловъ, съ топоромъ на берегъ—руби канатъ; да смотри: руби осторожно, чтобъ каната не испортить! вы трое — хватайте веревку, а тамъ Богъ поможетъ; вѣтеръ такой, что хоть корабль сдвинетъ...» Ладья подплыла къ самому борту непріятельской лодки. Часовой, Турокъ, торопливо выстрѣливъ, бѣжалъ на берегъ. Въ одно мгновеніе канатъ, укрѣплявшій лодку къ берегу, былъ обрубленъ, напоромъ волнъ лодку отхватило отъ берега—и огромное Турецкое судно, вслѣдъ за ладьею, поплыло внизъ по теченію. Двое изъ удальцовъ, вскочивъ на непріятельское судно, управлялн рулемъ и удерживали бѣгъ его, изъ опасенія, чтобы судно

не придавило лодки. Между тѣмъ, вспо-лошенные Турки бросились къ берегу, открыли огонь; но лодки и храбрецы были уже внѣ выстрѣла... «Наша взяла! ну, братъ Растригинъ, молодецъ! — Быть тебѣ урядникомъ, какъ Графъ-Атаманъ узнаетъ!»— «Еще бы не узнать!—узнаетъ! Слышишь, какъ Турки салютуютъ новому уряднику!...» Послѣ продолжительной и упорной борьбы со стихіею, на разсвѣтѣ, 6-го февраля, лодка и лодочка пристали къ лѣвому берегу Дуная, далеко ниже своего поста. Турецкая лодка, увезенная Растригинымъ изъ-подъ носа у Турокъ, имѣетъ длины 13 саженъ, ширины 3 сажени, съ одною мачтой, съ намощенным поломъ.

18.

Въ кровопролитномъ бою при Кюрукъ-Дара, артиллерія наша, соревнуя

другимъ войскамъ, оказала необыкновенные подвиги мужества и рѣшительности. Такъ, батарейная № 1-го батарея Кавказской бригады, ослабивъ непріятеля огнемъ своимъ съ разстоянія пушечнаго выстрѣла, вынеслась впередъ и, снявшись отъ непріятельской позиціи въ 250 саж., снова открыла огонь. Турки начали усиливать свои батареи и поражать нашу артиллерію перекрестными выстрѣлами; тогда начальникъ артиллеріи Кавказскаго корпуса, Генералъ-Лейтенантъ Бриммеръ приказалъ этой батареѣ вынестись впередъ на самый ближній картечный выстрѣлъ. Батарея наша, не смотря на средоточенный огонь непріятельскій, начала наступательное движеніе, и когда была саженяхъ въ 120 отъ непріятеля, то командиръ оной, старый кавказецъ, Полковникъ Лагода, подъѣхавъ къ Генералу Бриммеру, сказалъ: «Ваше Превосходительство, хорошій картечный выстрѣлъ; не прикажете ли сняться?»—

«Рано!» было ему отвѣтомъ—и дѣйствительно, батарея открыла огонь лишь въ 70-ти саженяхъ отъ Турецкой позиціи!

Когда непріятель началъ отступать, то батарейной № 1-го батареи Поручикъ Давыдовъ, выскакавъ впередъ, изрубилъ трехъ Турокъ; а находившіеся при Генералѣ Бриммерѣ, вѣстовой и ординарецъ также приняли дѣятельное участіе въ сраженіи: первый, соскочивъ съ лошади, свалилъ съ ногъ Турка, бросившагося на одно изъ нашихъ орудій, а второй, изрубивъ одного непріятельскаго солдата, другаго взялъ въ плѣнъ.

19.

Батарейной № 1-го батареи Кавказской бригады фейерверкеръ Сильверстовъ, раненый уже въ настоящую войну подъ Баяндуромъ и получившій во

время сраженія сильную контузію, кинулся на Турка и, заколовъ его отнятымъ у него же ружьемъ, возвратился къ батареѣ, не сказавъ никому о своей контузіи.

20.

Батарейной № 1-го батареи 16-й артиллерійской бригады фейерверкеръ Еремѣевъ и бомбардиръ Труховъ, и батарейной № 2-го батареи той же бригады бомбардиръ Гордѣевъ и Даниловъ, получивъ сильныя раны осколками гранаты, оставались при орудіяхъ до конца сраженія.

21.

Той же батарейной № 1-го батареи, вольноопредѣляющійся Величкинъ, у котораго ядромъ оторвало объ ноги, сожалѣлъ только объ одномъ, — что не

мочь до конца сраженія оставаться въ рядахъ своихъ мужественныхъ товарищей.

22.

25-го іюня 1854 года, въ дѣлѣ подъ Журжею, на островѣ Раломанѣ, наши войска показали новый, блистательный примѣръ храбрости и неустрашимости. Бой продолжался съ разсвѣта утра до самой ночи. Каждый батальонъ по нѣсколько разъ ходилъ въ штыки и дружнымъ натискомъ опрокидывалъ превосходнаго въ числѣ непріятеля. Раненые приходили на перевязочный пунктъ только для того, чтобы сдѣлать перевязку и потомъ снова идти въ бой, торопили медиковъ, прося убѣдительно, чтобы какъ можно скорѣе отпустили ихъ къ своимъ товарищамъ. «Насъ здѣсь не много,—говорили они,—а бусурманы наступаютъ крѣпко, теперь не-

когда лѣчиться». Командиръ отряда, Генералъ – Лейтенантъ Соймоновъ съ трудомъ могъ вытащить изъ рядовъ около 80 человѣкъ раненыхъ и поставилъ ихъ въ резервѣ, убѣдивъ ихъ, что они и тамъ приносятъ пользу.

23.

Смерть на пушкѣ. На штурмѣ Суфлиса Подпоручикъ Виленскаго полка Даниловъ бросился на орудія, съ цѣпью стрѣлковъ 6-й егерской роты. Получивъ раны пулями въ лицо, въ грудь на вылетъ и въ правый бокъ между реберъ, храбрый офицеръ этотъ не переставалъ биться, и шашкой изрубилъ двухъ Турецкихъ солдатъ, но наконецъ, обезсиленный, упалъ на непріятельское орудіе.

24.

Единоборство. 2 го ноября 1853 года, въ сраженіи подъ Баяндуромъ, когда

Куртины ворвались въ обозъ колонны, бывшей подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Князя Орбеліана 3-го, и когда пикиперы драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, подъ командою храбраго дивизіонера, Полковника Тихоцкаго, пущенные въ аттаку, сбили хищниковъ, тогда въ моментъ схватки, Прапорщикъ того полка Вихманъ, только-что изрубившій одного Куртина, долженъ былъ снова помѣряться силами съ наскакавшимъ на него всадникомъ. Въ пылу боя завидѣлъ онъ несущагося къ нему куртина съ пикою, грозившею пронзить его; храбрый Прапорщикъ Вихманъ, не теряя присутствія духа, приготовился принять ударъ шашкою; но куртинская пика пробила шубу Вихмана, бывшую на немъ сверхъ сюртука, и остреемъ своимъ прошла подъ правую мышку. Разсуждать было некогда: Вихманъ схватилъ древко пики руками. Долго два противника оспори-

вали другъ у друга право владѣть копьемъ. Унтеръ-офицеръ 9-го эскадрона Харьковскій, выскакавъ на помощь Прапорщику Вихману, рубнулъ раза два куртинскаго джигита, но отъ ударовъ русской шашки только визнулъ панцырь, защищавшій куртинца. Видя, что копье попалось въ мощную руку юноши, куртинецъ потерялъ надежду владѣть имъ, выпустилъ его изъ рукъ и, въ то мгновеніе, когда обернулся влѣво, чтобъ выхватить изъ ноженъ саблю, былъ пронзенъ подъ правое ухо своимъ же собственнымъ копьемъ, оставшимся въ рукахъ Прапорщика Вихмана, и выбитый изъ сѣдла, палъ замертво. Пика, булатъ и копье достались побѣдителю.

25.

Въ сраженіи 13-го октября 1854 года, на Кадыкіойскихъ высотахъ, *Азовскаго пѣхотнаго полка*. Поручикъ Эйн-

зидель (принятый изъ Саксонской служ-бы), разговаривая накануѣ сраженія въ кругу товарищей, обѣщалъ имъ непремѣнно отличиться, и сказалъ имъ: «вы увидите завтра, гдѣ я буду». Эйнзидель сдержалъ свое слово: въ числѣ первыхъ былъ онъ на укрѣпленіи, гдѣ получилъ три тяжелыя раны.

Рядовой Иванъ Заровный защищалъ израненаго поручика Эйнзиделя, и палъ жертвою своей преданности начальству.

26.

Днѣпровскаго пѣхотнаго полка. Рядовой Климъ Ефимовъ, при взятіи Комарскихъ высотъ, находясь въ цѣпи штуцерныхъ, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ бровь; послѣ сдѣланной перевязки, онъ просилъ доктора отпустить его на мѣсто сраженія, и по разрѣшеніи прибылъ къ своей ротѣ, при которой и находился до конца сраженія.

27.

Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго полка. Вахмистръ Гуровъ, не смотря на полученную имъ рану, видя, что эскадронный командиръ, Майоръ Майдель, раненый въ голову, упалъ,—слѣзъ съ лошади подъ убійственнымъ огнемъ пѣхоты, и вывелъ своего начальника.

28.

Унтеръ-офицеръ Кисленко, раненый въ локоть пулею, отправился на перевязочный пунктъ, но едва услыхалъ перестрѣлку, какъ, не окончивъ перевязки, возвратился во фронтъ и оставался до конца боя.

29.

Гусарскаго Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полка. Унтеръ-офицеръ За-

харовъ, когда убита была подъ генераломъ Рыжевымъ лошадь, подалъ ему свою, а самъ остался подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей снимать сѣдло съ убитой лошади. Онъ исполнилъ это хладнокровно, безъ суеты, и принесъ сѣдло на плечахъ до перевязочнаго пункта.

30.

Своднаго уланскаго полка. Эскадрона Его Высочества Эрцгерцога Австрійскаго Альберта, рядовой Зиновatый, будучи раненъ и сбитъ съ коня, схватилъ бѣжавшую непріятельскую лошадь, сражался на ней до конца дѣла, а послѣ дѣла, отыскавъ свою лошадь, явился раненый въ эскадронъ, и теперь находится въ рядахъ.

31.

Конно-легкой № 12 батареи. Фейерверкеръ 3-го класса Максимъ Ѳедоровъ,

видя, что ящичный ѣздовой Донской батарейной батареи былъ убитъ непріятельскимъ уланомъ, и что ящикъ былъ уже захваченъ непріятелемъ, бросился туда, убилъ саблею улана, готовившагося сѣсть на подсѣдельную лошадь, и самъ успѣвши вскочить на нее, доставилъ ящикъ въ батарею.

32.

При осадѣ крѣпости Силистріи. 10-го мая 1854 года, Полтавскій пѣхотный полкъ, въ полномъ его составѣ, былъ назначенъ для производства осадныхъ работъ подъ крѣп. Силистріею и для устройства батареи, имѣвшей цѣлію обстрѣливать береговую дорогу изъ крѣпости. Работы производились подъ сильнымъ непріятельскимъ артеллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Окола 5 часовъ по-полудни,—время, въ которое обыкновенно производилась

смѣна рабочихъ и прикрытія, канонада изъ крѣпости усилилась. Одна изъ гранатъ упала въ траншею, гдѣ собиралась для смѣны 5-я мушкетерская рота.

Унтеръ-офицеръ той-же роты (нынѣ прапорщикъ) Витовичь мновенно бросился къ гранатѣ, вырвалъ горящую трубку и, отбросивъ ее въ сторону, отвратилъ разрывъ снаряда.

33.

Въ ночь съ 7-го на 8-е іюня, для производства траншейныхъ работъ и для прикрытія рабочихъ, находились части Полтавскаго пѣхотнаго полка.

На ординарцахъ при полковомъ командирѣ былъ унтеръ-офицеръ Брызгунъ.

Во время обзора работъ полковымъ командиромъ, осколокъ непріятельской гранаты оторвалъ руку у ординарца.

Унтеръ-офицеръ Брызгунъ просилъ ближайшаго ротнаго командира о назначеніи къ полковому Командиру новаго ординарца и до тѣхъ поръ не позволилъ отправить себя на перевязочный пунктъ, пока новый ординарецъ не прибылъ на мѣсто его,

34.

Въ 1853 году, до открытія турецкой компаніи, Алексопольскаго егерскаго полка Прапорщикъ Шакальскій, въ слѣдствіе его домашнихъ обстоятельствъ, просилъ по командѣ увольненія его отъ службы.

Высочайшимъ приказомъ въ 23-й день января 1854 года, Прапорщикъ Шакальскій былъ уволенъ отъ службы Подпоручикомъ.

Военныя дѣйствія были открыты. Подпоручикъ Шакальскій, тотчасъ по полученіи отставки, подалъ прошеніе на Высочайшее Имя объ опредѣленіи его

вновь на службу въ Алексопольскій егерскій полкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рапортомъ просилъ командира полка дозволить ему, впредь до опредѣленія на дѣйствительную службу, нести всѣ обязанности оной, наравнѣ съ прочими офицерами полка.

« Въ настоящее время, — говорилъ подпоручикъ Шакальскій,—когда Царю и Отечеству нужны усердные слуги, некогда думать о частныхъ дѣлахъ!— Я прошу не лишать меня чести раздѣлить труды и умереть за вѣру наравнѣ съ товарищими моими, храбрыми Алексопольцами ».

Подпоручикъ Шакальскій, оставаясь какъ-бы волонтеромъ при полку, съ необыкновеннымъ усердіемъ исполнялъ всѣ обязанности службы и во время осады крѣпости Силистріи служилъ примѣромъ храбрости, ходилъ съ охотниками и просилъ позволенія, при всякомъ нарядѣ чиновъ Алексопольскаго полка въ траншеи, раздѣлять съ ними опасности.

43

8-го іюня Подпоручикъ Шакальскій, находясь въ траншеяхъ, размѣстилъ около себя штуцерныхъ, слѣдилъ за каждымъ выстрѣломъ и поощрялъ стрѣлковъ за каждый вѣрный выстрѣлъ.

Непріятельская штуцерная пуля поразила въ голову храбраго и доблестнаго Подпоручика Шакальскаго, который черезъ полчаса послѣ полученной имъ раны померъ.

35.

Такъ какъ 3-й Стрѣлковый батальонъ не ходилъ въ траншеи въ полномъ его составѣ, а посылаемы были роты, то и знамя батальона оставалось въ лагерѣ осаднаго корпуса при оставшихся ротахъ.

Знаменщикъ, унтеръ-офицеръ Пименъ Фетисовъ, не желая отставать отъ другихъ своихъ товарищей, со слезами упрашивалъ, чтобы ему позволено было ходить въ траншею со штуцеромъ. — «Могу ли я съ честію носить знамя, если не буду въ огнѣ!»

Отличный унтеръ-офицеръ, во все время нахожденія въ траншеяхъ, показалъ себя храбрымъ и отличнымъ стрѣлкомъ.

36.

22-го Мая 1854 года, при осадѣ крѣпости Силистріи, когда осадныя работы наши приблизились къ передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, чтобы облегчить дальнѣйшіе подступы и съ меньшею потерею людей и времени вѣнчать контръ-эскарпъ турецкаго укрѣпленія,—посредствомъ фугаса была взорвана часть пространства земли между траншеею и рвомъ непріятельскаго укрѣпленія.

Едва оглушительный трескъ отъ взрыва затихъ, какъ турки открыли страшный огонь съ крѣпости и съ передовыхъ укрѣпленій. Всѣ батареи наши, устроенныя въ траншеяхъ, отвѣчали сильнымъ огнемъ.

Два сапера бросились въ воронку взрыва для вѣнчанія гребня оной.

Стрѣлокъ 5-го Стрѣлковаго батальона, Донатъ Михайловъ пошелъ вслѣдъ за саперами.

«Вы, братцы ,— говорилъ стрѣлокъ саперамъ ,— вы дѣлайте свое дѣло— ставьте туры да фашины ; а я буду стеречь, чтобы красноголовые вамъ не мѣшали!»

Не смотря на сильный непріятельской огонь, храбрый стрѣлокъ, прикрываясь то туромъ, то фашиной, не допустилъ непріятельскихъ стрѣлковъ приблизиться къ воронкѣ взрыва , которая въ скорости занята была нашими войсками.

5-го Стрѣлковаго Стрѣлокъ Донатъ Михайловъ и 4-го Саперная батальона унтеръ–офицеръ Королевъ и рядовой Илья Черниковъ награждены знаками военнаго ордена.

37.

Въ ночь съ 7-го на 8-е іюня, на лѣвомъ флангѣ осадныхъ нашихъ работъ при кр. Силистріи, противъ нагорнаго укрѣпленія находилась рота Охотскаго егерскаго полка.

Едва смерклось, какъ турки открыли сильный огонь съ своихъ укрѣпленій и ружейный огонь изъ-за траншей, соединявшихъ передовыя ихъ укрѣпленія.

При самомъ началѣ стрѣльбы, унтеръ-офицеръ Ѳедоръ Иващенко былъ раненъ пулею въ голову. Не дозволивъ никому провожать себя къ перевязочному пункту, Иващенко отправился туда одинъ. — Когда перевязка была окончена, храбрый унтеръ-офицеръ просилъ позволенія идти къ ротѣ. Не смотря на убѣжденіе доктора, унтеръ-офицеръ Ѳедоръ Иващенко, забравъ свою амуницію, вернулся къ ротѣ и оставался

въ траншеяхъ до смѣны полка, служа примѣромъ своимъ товарищамъ.

38.

При нападеніи шести сотъ турокъ, 14-го іюня 1854 года, на команду казаковъ, изъ тридцати четырехъ человѣкъ состоящую, той-же сотни артельщикъ и хлѣбопеки, приказный Шульгинъ и казаки Курилинъ, Кудиновъ и Шелоплутовъ, находившіеся на упраздненномъ Сульдовскомъ казачьемъ посту, въ трехъ четвертяхъ версты отъ команды, для выпеченія хлѣба, услышавъ выстрѣлы, оставили безопасное мѣсто и, сѣвъ на лошадей, бросились на помощь аттакованнымъ товарищамъ своимъ, но на пути были отрѣзаны отъ команды, и рѣшились пробиться сквозь толпы, ихъ окружавшія. При этомъ приказный Шульгинъ, раненый пулею въ ногу, упалъ съ лошади, но не уронилъ

ни пики, ни ружья и, почти ползая на колѣняхъ и отбиваясь на всѣ стороны, успѣлъ присоединиться къ командѣ; а казакъ Кудиновъ, бывъ окруженъ сорока или болѣе турками, до тѣхъ поръ съ неустрашимостью защищался отъ нападавшихъ на него, пока не вонзилъ пики въ одного изъ нихъ, и въ это время самъ былъ раненъ двумя пиками, но, не теряя присутствія духа, схватилъ ружье и, убивъ заграждавшаго ему путь курда, раненый ускакалъ въ Ахалкалаки; Курилинъ же, пробиваясь къ командѣ, когда пробилъ одному изъ турокъ пикою голову, и увлеченъ былъ на землю паденіемъ его, саженяхъ во ста отъ мѣста, гдѣ команда была аттакована, присѣвъ за камень, все время аттаки защищался отъ нападавшихъ то пикою, то стрѣляя изъ ружья; одинъ Шелоплутовъ, пробившись сквозь толпу непріятеля, присоединился верхомъ къ командѣ, не бывъ раненъ.

39.

Другой примѣръ отваги и рѣшимости представляетъ необыкновенный поступокъ урядника Морозова № 37-го полка, находящагося въ составѣ дѣйствующей арміи на Дунаѣ. О немъ командиръ полка, Полковникъ Шапошниковъ доноситъ войсковому дежурству слѣдующее: « по полученнымъ свѣдѣніямъ, что турки заняли Букарестъ, урядникъ Морозовъ, состоявшій въ 4-й сотнѣ, которая была командирована для развѣдыванія о непріятелѣ въ сел. Маредомняску, вызвался охотникомъ и отправился въ Букарестъ. Морозовъ, объѣхавши весь городъ, узналъ, что двѣсти турокъ и паша находились въ городѣ, и что къ четыремъ часамъ пополудни, 26-го числа, ожидали въ городъ Букарестъ пятнадцать тысячъ турецкаго войска; въ городѣ видѣлъ французскихъ, венгерскихъ и польскихъ офицеровъ и

турецкихъ солдатъ; для ожидаемыхъ въ Букарестъ непріятельскихъ войскъ заготовлено было пятнадцать тысячъ окъ хлѣба.» Необыкновенный, по своей отважности, поступокъ Морозова былъ доведенъ до свѣдѣнія г. Генералъ-Адъютанта графъ Анрепа-Эльмпта и, по ходатайству его Сіятельства, г. Командующій войсками изволилъ пожаловать урядинку (Николаевской станицы) Василью Васильеву Морозову знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія.

40.

Во время войны съ турками въ 1854 году. Въ Журжинскомъ отрядѣ, 25-го іюня, Колыванскаго егерскаго полка 8-я рота, находясь продолжительное время въ цѣпи, разстрѣляла патроны; данъ былъ сигналъ смѣнить цѣпь.—Въ то время, когда одна цѣпь проходила другую, командиръ 8-й роты, находившійся на флангѣ, былъ раненъ въ ногу

и упалъ.—Замѣтивъ это, нѣсколько турокъ окружили раненаго.

Фельдфебель *Богдановъ*, унтеръ-офицеръ *Степановъ* и рядовой *Мацарскій* бросились на выручку своего начальника и, не смотря на числительное превосходство турокъ, храбрые егеря пробились къ раненому Штабсъ-Капитану и вырвали его изъ рукъ непріятеля.

Изъ трехъ молодцовъ уцѣлѣлъ одинъ фельдфебель, который, отбиваясь отъ турокъ, донесъ своего ротнаго командира до цѣпи; рядовой *Мацарскій* былъ заколотъ; а унтеръ-офицеръ *Степановъ* тяжело раненъ.

41.

3-го февраля 1854 года, по распоряженію Генералъ-Адъютанта Шильдера, съ батареи, устроенной на островѣ *Радомань*, былъ открытъ огонь по непрі-

ятельской Рущукской флотиліи, сосредоточенной въ устьѣ р. *Ломъ*.

Фейерверкеръ батарейной № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады Илья *Михайловъ*, замѣтивъ, что нѣсколько удачно попавшихъ непріятельскихъ ядеръ большаго калибра разрушили наружную землянную одежду одной изъ амбразуръ, изъ которой орудіе наше дѣйствовало по флотиліи, не смотря на средоточенный огонь Рущукскихъ батарей, влѣзъ въ амбразуру и съ совершеннымъ спокойствіемъ занялся исправленіемъ оной, подшучивая надъ опасностію, которой подвергался,

Непріятельское ядро вырвало молодца изъ рядовъ храбрыхъ: удалому фейерверкеру оторвало обѣ ноги.

Фейерверкеръ Илья *Михайловъ* получилъ въ награду знакъ военнаго ордена.

42.

Въ сраженіи при Кюрукъ-Дара. Во время самой жестокой схватки, одинъ линѣйный нашъ казакъ увидѣлъ въ рядахъ непріятеля весьма красивый значекъ, непремѣнно захотѣлъ взять его, а потому началъ ломиться въ непріятельскую толпу, добираясь до значка. Другой казакъ, видя неминуемую опасность, которой подвергался его товарищъ, схватилъ и остановилъ его; но тотъ, вмѣсто благодарности, которой послѣдній въ правѣ былъ отъ него ожидать за спасеніе его отъ вѣрной смерти, обернувшись, началъ его бранить самымъ энергическимъ образомъ; значекъ же, между тѣмъ, исчезъ у нихъ изъ глазъ, и попалъ въ руки другихъ ихъ товарищей. Раздосадованный линѣецъ горько послѣ этого жаловался своему офицеру, что онъ чрезъ услугу своего товарища, о которой онъ его не

просилъ, упустилъ самый лучшій и красивый значекъ.

43.

Вскорѣ послѣ сраженія 24-го іюля 1854 года, командиръ гренадерскаго полка, Полковникъ князь Тарханъ-Моруновъ поѣхалъ въ вагенбургъ, чтобъ посѣтить раненыхъ своего полка. Подъѣзжая къ госпиталю, князь замѣтилъ рядоваго 2-й гренадерской роты Верещагина; онъ бодро и весело расхаживалъ возлѣ одной палатки, въ шинели, надѣтой въ накидку. Никакъ не полагая, что онъ раненъ, и желая сдѣлать ему выговоръ за безпорядокъ одежды, командиръ полка спросилъ строго: что онъ тамъ дѣлаетъ и зачѣмъ не при своей ротѣ. Верещагинъ распахнулъ шинель, и показалъ, что у него отрѣзана рука. Грустно и больно было смотрѣть на молодаго, цвѣтущаго здоровьемъ солдата съ отрѣзанной рукой,

но отрадно было видѣть въ немъ столько бодрости послѣ потери руки!...

44.

Въ битвѣ на Джела-Гельскихъ высотахъ, близъ Баязета, въ минуту общаго пораженія Турокъ, ружейною пулею была повалена лошадь подъ Штабсъ-Капитаномъ Аксамитнымъ, заскакавшимъ въ тылъ опрокинутому непріятелю. Офицеръ этотъ, до половины тѣла придавленный конемъ своимъ, лежалъ на землѣ, употребляя послѣднія силы, чтобъ освободиться изъ-подъ гнетущаго его бремени. Въ пылу общей рѣзни никто не замѣтилъ его паденія; смерть видимо парила надъ нимъ; два непріятельскіе солдата, на бѣгу одинъ за другимъ, почти въ упоръ выстрѣлили по немъ,—но конь, предсмертнымъ движеніемъ поднявъ голову, принялъ на себя двѣ смертельныя пули, предназна-

ченныя всаднику. Штабсъ-Капитанъ Аксамитный, и въ этомъ положеніи,— съ пистолетомъ въ рукахъ, — казался еще неприступнымъ. Въ него стрѣляли, но никто однако-жъ не рѣшался рубить его. Но наконецъ, увы! послѣдняя опора, на которую онъ такъ надѣялся, измѣнила ему. Пистолетъ его осѣкся. Бѣгущій непріятель готовъ былъ уже ринуться на лежащаго, который погибъ бы неминуемо, еслибъ въ это время, вслѣдъ за непріятелемъ, не явился Полковникъ Хрещатицкій съ казаками своими. Урядникъ Елисей Сучковъ, первый замѣтилъ опасное положеніе Штабсъ-Капитана Аксамитнаго, котораго зналъ прежде. Стремглавъ бросился къ нему Сучковъ и явился предъ изумленнымъ офицеромъ съ словами: «Ваше Благородіе, вы ранены?»—кажется, что нѣтъ, отвѣчалъ офицеръ.« Ну, Богъ васъ хранилъ, Ваше Благородіе, видно не пришла ваша очередь. Какъ же, эти бусурманы стрѣляли по васъ, по лежачему,

какъ въ мишень!» Говоря это, урядникъ соскочилъ съ коня, вытащилъ офицера изъ-подъ убитой лошади, передалъ его на стремя бывшему тутъ казаку Артему Амирову, сказавъ: «смотри, Артемушка, ступай скорѣе, конь твой, кажется, ничего, авось вывезетъ Его Благородіе! вишь какъ сыплетъ картечью.» Когда же офицеръ, съ чувствомъ признательности за спасеніе свое, просилъ Сучкова принять кошелекъ съ деньгами, тотъ отвѣчалъ рѣшительно: «чго хотите Ваше Благородіе, а денегъ не возьму: грѣхъ! меня за̀ это Богъ накажетъ, да и Царь спасибо не скажетъ».Такимъ образомъ совершился одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ спасенія, когда всякая надежда на спасеніе была невозможна! — Должно сказать, что еще прежде, предъ началомъ рѣшительнаго боя, въ жаркой кавалерійской схваткѣ съ Баши-Бузуками и Арабами, — офицеръ этотъ едва не погибъ, свалившись съ лошадью въ оврагъ; но молитвы его старушки матери видимо хра-

или въ тотъ день нашего храбреца. Онъ остался невредимымъ, получивъ только легкую контузію въ лѣвую ногу.

45.

Въ Журжинскомъ отрядѣ, 22 января 1854 года, Томскаго егерскаго полка. 8-й роты рядовой Михайло Ларіоновъ былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ, но въ продолженіе дѣла мѣста своего не оставлялъ. По прибытіи на бивуакъ, Ларіоновъ отъ большой потери крови такъ ослабъ, что невольно усвоилъ себѣ мысль о скорой смерти. Рота присудила храброму егерю орденъ Св. Георгія.

« Спасибо товарищи ,—говорилъ Ларіоновъ,—не жить мнѣ между вами, не носить ордена, дайте крестъ достойному; а если Богу будетъ угодно сохра-

нить меня, то я постараюсь заслужить крестъ!»

Рядовой Ларіоновъ пялчился отъ раны и 25 іюня, въ продолженіе всего дня, постоянно веселый, находился впереди роты и примѣромъ своимъ воодушевлялъ всѣхъ.

46.

8-й егерской роты рядовый Гаврило Полуленко, въ дѣлѣ 25-го іюня былъ раненъ пулею въ руку и отправленъ на перевязочный пунктъ. По окончаніи перевязки, Поруленко собралъ патроны у раненыхъ и вернулся къ ротѣ, которая была въ сильной перестрѣлкѣ; оставивъ часть патроновъ у себя, остальные онъ роздалъ товарищамъ.

Спустя нѣсколько времени, Поруленко былъ сильно контуженъ; но, не смотря на страданія, желая дострѣлять

патроны, оставался въ строю до конца дѣла.

47.

4-й карабинерной роты, Томскаго егерскаго полка Архипъ Касьяновъ, 25-го іюня раненый въ ногу, былъ захваченъ Турками, отведенъ въ лодку и оставленъ подъ надзоромъ гребцовъ. Архипъ Касьяновъ, предпочитая явную смерть плѣну у Турокъ, уловивъ минуту, когда вниманіе гребцовъ было обращено на сраженіе, бросился въ Дунай и, не смотря на рану, благополучно переплылъ на островъ *Чорой*.

48.

Въ Журжинскомъ отрядѣ. 25-го іюня 1854 года, Турки, подъ покровительствомъ огня съ Рущукскихъ батарей,

начали переправляться съ праваго бе-
рега Дуная на островъ *Радоманъ*.

При огромности перевозныхъ спосо-
бовъ, которыми владѣлъ непріятель, пе-
реправа шла безостановочно; высадив-
шіеся на *Радоманъ* Турки, безпрестанно
поддерживаемые вновь прибывающими
войсками, быстро распространились по
острову.

Батальоны Томскаго егерскаго полка,
подкрѣпленные двумя батальонами То-
больскаго пѣхотнаго полка, выбивая
Турокъ изъ одной позиціи на другую,
оттѣснили ихъ къ самой оконечности
острова.

Во время общей атаки, барабанщикъ
2-й гренадерской роты Тобольскаго пѣ-
хотнаго полка былъ убитъ. Прапор-
щикъ Ширмо-Щербинскій, находясь
передъ фронтомъ своего взвода, поднялъ
барабанъ и продолжалъ бить наступле-

ніе. Пораженный осколкомъ гранаты въ лѣвое плечо съ раздробленіемъ кости, Прапорщикъ Щербинскій, бросивъ барабанъ, взялъ у горниста горнъ и, оставаясь впереди роты, трубилъ наступленіе. Дружно ударили въ штыки храбрые Тобольцы и опрокинули непріятеля. Послѣ молодецкой атаки, Прапорщикъ Щербинскій, совершенно изнемогшій отъ раны, позволилъ отнести себя на перевязочный пунктъ, взявъ слово съ Тобольскихъ гренадеръ отомстить за его рану.

Сдержали слово Тобольцы: съ необычайною отвагою произведены были ими послѣдующія атаки.

Прапорщикъ Ширмо - Щербинскій умеръ отъ раны.

49.

25-го іюня, во время переправы Ту-

рокъ на лѣвый берегъ Дуная, была разсыпана цѣпь стрѣлковъ Томскаго егерскаго полка по обѣимъ сторонамъ батареи, устроенной ниже Журжи.

Подпоручикъ Самойловъ, находясь въ цѣпи, замѣтилъ одного Турка, рѣзко отличавшагося огромнымъ ростомъ и силою, который удачно отбивался штуцеромъ отъ трехъ нашихъ егерей. Видя неудачныя попытки Томцевъ побороть Турка и боясь, чтобы онъ не ушелъ отъ нашихъ въ виду цѣпи, Подпоручикъ Самойловъ, схвативъ съ земли ружье, кинулся на великана и ловкимъ ударомъ сбилъ его съ ногъ.

Турокъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Послѣ сего, не смотря на полученную рану штыкомъ въ руку, Подпоручикъ Самойловъ, называя рану царапиною, оставался во «фронтѣ и, по приказанію командира батальона, собравъ

застрѣльщиковъ въ камышахъ, атако вать непріятеля, успѣвшаго высадиться на лѣвый берегъ, и опрокинулъ Турокъ, при чемъ былъ раненъ пулею въ ногу. Пуля осталась въ ногѣ.

Докторъ нашелъ возможность вырѣзать пулю, и, приступая къ операціи, совѣтовалъ Подпоручику Самойлову понюхать хлороформу.

Раненый отказался отъ хлороформа и съ полнымъ хладнокровіемъ выдержалъ операцію, по окончаніи которой возвратился къ ротѣ, гдѣ и оставался до конца дѣла.

50.

16-го апрѣля 1854 года, Турки сдѣлали высадку на лѣвый берегъ Дуная противу *Турно*.

6-й мушкетерской роты Тобольскаго пѣхотнаго полка рядовые Францъ Кокошникъ и Василій Киселевъ находились въ лазаретѣ. Услышавъ тревогу, они поспѣшно вскочили, вооружились и, не смотря на слабость лихорадочную, бросились бѣгомъ къ сборному пункту и стали въ ряды 12-й роты.

Началось наступленіе; рота была назначена на приступъ занятыхъ непріятелемъ насыпей. «Ну товарищи,—говорилъ Киселевъ,—мы съ землякомъ 2-го батальона не были подъ *Четати* и не кололи бусурмана, — а здѣсь себя покажемъ!...»

Мушкетеры дѣйствительно показали себя молодцами: Кокошникъ за храбрость заплатилъ жизнію, а Киселевъ былъ раненъ въ руку; но до окончанія дѣла постоянно находился во фронтѣ и впереди.

Увлеченные примѣромъ Кокошника и Киселева, рядовые Тобольскаго пѣхотнаго полка: Петръ Макѣенко, Иванъ Кирпа, Филипъ Борисовъ, Аѳанасій Черновъ, Ефремъ Небыденко, Ефимъ Никифоровъ, Ѳедоръ Казачекъ, Корней Греценко, Тихонъ Побережный, Иванъ Герасименко, Гурій Ивановъ и Марко Малышъ, находившіеся въ лазаретѣ, услыхавъ стрѣльбу, неотступно просились у штабъ-лѣкаря стать во фронтъ. «Разъ человѣкъ рождается—разъ и умираетъ,—говорили солдаты,—чѣмъ умирать отъ болѣзни—лучше умереть отъ вражей пули,—добромъ помянутъ!»

Больнымъ дозволено было присоединиться къ своимъ товарищамъ; изъ нихъ Марко Малышъ—убитъ, Гурій Ивановъ раненъ; остальные, по окончаніи дѣла, вернулись снова въ лазаретъ.

51.

Того же 16-го апрѣля 1854 года, Турки, переправившись противу *Турно*, держались за остатками насыпей, бывших на лѣвомъ берегу Дуная.

4-я гренадерская и 12-я мушкетерская роты Тобольскаго пѣхотнаго полка приступомъ овладѣли укрѣпленіями и опрокинули Турокъ къ рѣкѣ.

Непріятель, покровительствуемый огнемъ батареи кр. *Никополя*, переправлялся на правый берегъ Дуная. Одна изъ лодокъ, пробитая нашимъ ядромъ, не успѣвъ отплыть 50 шаговъ отъ лѣваго берега, вмѣстѣ съ находящимися на оной людьми начала тонуть.

Рядовой 12-й мушкетерской роты Сидоръ Ревлюкъ, замѣтивъ, что лодка идетъ ко дну, просилъ позволенія у ротнаго командира спасти тонувшихъ.

Получивъ разрѣшеніе командира роты, Сидоръ Ревлюкъ, не смотря на сильный огонь съ Никопольскихъ батарей, подойдя къ берегу, знаками далъ знать Туркамъ, чтобы они бросили оружіе свое въ воду. Турки бросили оружіе и также знаками умоляли о спасеніи. Ревлюкъ, сбросивъ съ себя одежду, кинулся въ воду, вплавь достигъ онъ лодки и, привязавъ переданный ему канатъ къ рулю, поплылъ обратно къ берегу, таща за собою лодку съ 50-ю Турками, изъ числа которыхъ было 30-ть живыхъ и 20 убитыхъ.

Выйдя на берегъ, плѣнные Турки, подымая руки къ небу и прикладывая лице свое къ плечу Сидора Ревлюка, изъявляли благодарность своему избавителю.

Рота присудила Сидору Ревлюку орденъ Св. Георгія, а начальникъ отряда

приказалъ произвести его въ унтеръ-офицеры. Сидоръ Ревлюкъ просилъ, чтобы его оставить рядовымъ, говоря: «я предпочитаю быть лучшимъ въ ротѣ солдатомъ, чѣмъ обыкновеннымъ унтеръ-офицеромъ.»

КОНЕЦЪ.